

С.Е. Дуанаева¹, А.О. Шоманбаева¹, А.М. Усенова¹,
С.К. Бердибаева², Л.С. Кулжабаева³

¹Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

³ Университет «Туран-Астана», Астана, Казахстан

(E-mail: Sandugash0606@mail.ru, shoman_almira@mail.ru, berdybaeva_sveta@mail.ru, akkenzhe_08@mail.ru)

Кросскультурный аспект формирования гендерного самосознания женщин Казахстана

Аннотация. Исследование нацелено на изучение культуральной специфики гендерного самосознания женщин как интегрального психологического образования в единстве всех компонентов, представляющих его когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни. Такими компонентами выступили: содержание гендерной идентичности и гендерных стереотипов женщин; отношение к идентичности, типы установок к гендерным ролям в семье, соотношение гендерной толерантности и интолерантности, уровень сформированности гендерного самосознания у казахстанских женщин. Нами была выдвинута гипотеза о культурной детерминации формирования гендерного самосознания женщин на трех уровнях - когнитивном, эмоциональном и поведенческом. В условиях полиэтничности Казахстана были определены две выборки респондентов - женщины казахского этноса и других этносов. Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу и позволили определить культурные различия и особенности гендерного самосознания женщин по двум выборкам. В представленной статье приведены данные эмпирического исследования содержания гендерной идентичности и гендерных стереотипов женщин с помощью теста Куна – Макпартленда и полоролевого опросника С Бем в модификации И. С. Клециной.

Ключевые слова: когнитивный уровень гендерного самосознания, гендерная идентичность, гендерные стереотипы, культурная обусловленность.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2023-144-3-313-325>

Введение

Актуальность исследования гендерного самосознания женщин, специфики их гендерной идентичности и стереотипов обусловлена социально-динамическими процессами гендерной политики в Казахстане и связана с помощью женщинам в адаптации к социальным и профессиональным реалиям жизни. Высока значимость изучения установок современных женщин к различным гендерно-ролевым моделям семьи в деле профилактики разводов, бытового насилия и укрепления института семьи. Крайне актуальны разработки гендерно-сбалансированных стратегий и тактик управления, поведения женщин в сфере профессиональной деятельности и бизнесе в условиях полиэтничного Казахстана.

В обществе наметились противоречия:

- между потребностью в этно-культурных корнях через обращение к своим исконным духовным ценностям и обычаям с одной стороны, а с другой, – необходимостью социальной адаптации к изменившимся и быстро меняющимся социально-экономическим условиям жизни, которые не всегда соответствуют нормам традиционной этнической культуры;

- между инерцией традиционных этно-культурных стереотипов о женщине в обществе и потребностью в реализации государственной гендерной политики Казахстана, направленной на гендерное равенство.

Вследствие чего возникла идея о культурной обусловленности формирования гендерного самосознания казахстанских женщин.

В качестве объекта исследования выступили казахстанские женщины различных этносов в возрасте 25-30 лет, проживающие в Алматы, Нур-Султане и Шымкенте. Выбранный возрастной диапазон испытуемых женщин неслучаен. Развитие их личности происходило в эпоху становления суверенного Казахстана, что обусловило формирование особенностей в гендерном самосознании молодых женщин.

Предмет исследования – кросскультурный аспект гендерного самосознания казахстанских женщин

Гендерное самосознание - относительно новый предмет исследования, который берет свое начало в США и странах Европы. Гендерное самосознание одни ученые представляют системой, а другие - структурой. По первому представлению его рассматривают в качестве совокупности взаимосвязанных элементов, а по второму – в качестве иерархической структуры. В самом общем виде составляющими гендерного самосознания считают: гендерную идентичность, оценку соответствия собственной идентичности образцам фемининности или маскулинности, готовность строить поведение согласно этим образцам.

Исследования психологов ставили в фокус своего внимания различные аспекты и компоненты гендерного самосознания. А именно: процесс и механизмы формирования гендерной идентичности (Берн, 2002; Каширская, 2003; Маккаби, Джеклин, 1974; Чуркина, 2004), сущность и регулирующие функции гендерных стереотипов (Кон, 2006, 2009), гендерные предубеждения и их влияние на гендерную толерантность, дискриминацию (Мацумото, 2000; Майерс, 2001), актуальность гендерной толерантности и ее влияние на развитие общества (Асмолов, 2001; Круглова, 2005; Курамшев, 2002). На сегодня единственное исследование, в котором гендерное самосознание рассматривается как интегральное и уровневое целостное образование, предпринято А.А. Чекалиной на примере педагогов (Чекалина, 2013). В казахстанской психологической науке гендерному самосознанию посвящено исследование З.Ш. Мухтаровой, в котором изучены роль маскулинности/фемининности личности будущих психологов с точки зрения потенциала самореализации (Мухтарова, 2007).

В настоящем исследовании гендерное самосознание изучается как сложное психологическое образование, целостный характер которого обеспечивается взаимосвязью компонентов, представляющих его когнитивный, эмоциональный и поведенческий (конативный) уровни. На когнитивном уровне гендерное самосознание отражают гендерная идентичность и стереотипы, на эмоциональном – отношение к собственной идентичности, а на поведенческом – гендерные установки к семейным ролям и толерантность (Темиргалиева, Шоманбаева 2020). Следует подчеркнуть, что гендерная толерантность, согласно общему мнению ученых, является также показателем сформированности гендерного самосознания.

Цель исследования - экспериментальное изучение гендерного самосознания как уровневого, целостного психологического образования с точки зрения влияния этнической культуры.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что формирование гендерного самосознания казахстанских женщин имеет культурную обусловленность, которая на когнитивном уровне проявляется в особенностях и характеристиках гендерной идентичности и стереотипа

Методы исследования

- Тест Куна–Макпартленда «Кто Я?» применялся для изучения гендерной идентичности и эмоционального отношения к ней;

- полоролевой опросник С. Бем в модификации И.С.Клециной использовался для исследования женского гендерного стереотипа;

- контент-анализ как качественно-количественный метод использовался для выделения смысловых категорий, квантификации и перевода содержательной информации из ответов испытуемых в количественные показатели.

Фактический материал подвергся математико-статистической обработке методами первичной статистики (выборочная средняя величина), а также методами вторичной статистики (оценка различий средних значений признаков в двух несвязных выборках по t-критерию Стьюдента).

Основная часть

1. Особенности и характеристика гендерной идентичности казахстанских женщин. Особенности гендерной идентичности современных молодых женщин эмпирически изучены с помощью теста Куна – Макпартленда. Согласно концептуальной основе теста, гендерная идентичность рассматривается как часть Я-концепции личности, зависящей от уровня осознания принадлежности мужчинам или женщинам, а также эмоционального отношения к этому факту. Ниже представим главные результаты экспериментального исследования.

Во-первых, выявлена степень сформированности позитивной гендерной идентичности. Ее показателями являются особенности обозначения испытуемыми своего пола, а именно: соотношение прямого и косвенного способов эмоционально-позитивного обозначения гендерной идентичности. Первый способ отражает прямое указание своей половой идентичности (мужчина, женщина). При втором способе личность указывает опосредованно через роли на свою гендерную идентичность (студентка, домохозяйка и т.п.).

Согласно полученным данным, независимо от этнической культуры все испытуемые женщины наиболее часто используют прямое обозначение своей гендерной идентичности – 63% (женщины-казашки) и 65% (женщины других этносов). Частота прямого обозначения свидетельствует о том, что в гендерном самосознании женщин явным образом выражено осознание и принятие своей гендерной идентичности. Между тем эта прямо обозначаемая идентичность определенным образом эмоционально переживается личностью, вызывая с ее стороны то или иное отношение – эмоциональный компонент гендерного самосознания. Показателем отношения выступают четыре формы (таблица 1).

Таблица 1. Формы прямого обозначения пола

Формы обозначения	Частота	
	Женщины-казашки	Женщины других этносов
Нейтральное	23%	18%
Отчужденное (дистантное)	3%	4%
Эмоционально-положительное	72%	68%
Эмоционально-отрицательное	2%	10%

Согласно эмпирическим данным, прямое обозначение своей гендерной идентичности у подавляющего большинства испытуемых (72% и 68%) носит эмоционально позитивную окраску. Например: современная женщина, гламурная девушка, счастливая женщина и т.п. Второй и значительно уступающей по частоте является нейтральная форма прямого указания гендерной идентичности, причем у женщин-казашек выше, чем у женщин других этносов (32% и 18%). Например: женщина, жена. Интересным оказался тот факт, что третьей по частоте у женщин-казашек, т.е. наименее им свойственной

является эмоционально отчужденная форма указания гендера - 3% (столичная штучка, вторая половинка, «тыл» мужа, домработница и т.п.) и эмоционально отрицательная - 2% (плохая мать, неудачная жена и т.п.). В то время как указание на свой гендер у женщин других этносов чаще носит эмоциональную негативную окраску (10%) по сравнению с казашками (2%). Это может свидетельствовать о неудовлетворенности своей гендерной идентичностью по тем или иным причинам в сравнении с идеалом, а также потребностью в «наращивании» традиционно маскулинных черт.

Что касается косвенного обозначения пола, то оно в два раза уступает прямому: 37% (женщины, казашки) и 35% (женщины других этносов). При таком способе гендерная идентичность личности угадывается опосредованно через социальные роли или окончания. Например: хранительница очага, учительница, подруга, жена. Подобно прямому обозначению, в косвенном идентичность имеет свою эмоциональную окрашенность, тональность. Этнокультурное сравнение выявило, что в гендерном самосознании женщин-казашек полоролевой репертуар в среднем значительно шире и богаче, чем у женщин других этносов. В частности, по данным частотного анализа, казашки отмечают 6-8 ролей, а женщины других этносов 2-4 роли. Это объясняется различием этнических культур, которые распространяются на отношения в бытовой жизни между женщиной и родственниками мужа. Так, полоролевой репертуар поведения казашек значительно расширяется разными моделями поведения по отношению к свекру и свекрови, старшим и младшим братьям/сестрам мужа, женам его старших и младших братьев и т.д.

Анализ самоописаний гендерной идентичности не выявил отсутствие обозначения пола в обеих группах испытуемых. Ученые считают, что такое отсутствие может быть следствием или полной несформированности идентичности или ее активным вытеснением из-за психотравматизации. Проведенный выше анализ позволяет утверждать, что активного вытеснения нет, так как преобладающая часть испытуемых относится осознанно и эмоционально позитивно к своей гендерной идентичности.

Во-вторых, в экспериментальном исследовании изучена степень актуальности категории гендера в самосознании современных женщин. С этой целью было изучено место этой категории в списке, состоящем из двадцати самоописаний. Критерием значимости гендерной идентичности выступала локализация в начале, середине или конце списка. Этот критерий носит психоаналитический характер. Он основан на предположении о том, что в условиях цейтнота времени (по инструкции данного теста) испытуемые женщины в первую очередь будут описывать свой образ Я с точки зрения тех аспектов жизнедеятельности, которые для них наиболее важны, т.е. лежат на поверхности бессознательного. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 2. Значимость гендера в самосознании женщин

	Женщины-казашки	Другие этносы
<i>Актуальность и осознанность гендерной идентичности</i>		
Начало списка описаний Я-образа	61%	55%
Середина списка описаний Я-образа	39%	45%
Конец описаний списка Я-образа	-	-
<i>Адекватность самооценки гендерной идентичности</i>		
Адекватное соотношение «+» оцениваемых качеств к «-» оцениваемым 65-80%:35-20%	74%	75%
Завышенное соотношение «+» оцениваемых качеств к «-» оцениваемым 85:100%	11%	15%
Заниженное соотношение «+» оцениваемых качеств к «-» оцениваемым 50:100%	13%	10%
Неустойчивое соотношение «+» оцениваемых качеств к «-» оцениваемым 50:55%	-	-

С точки зрения приведенного выше критерия, гендерному самосознанию женщин независимо от этнической культуры свойственна значимость и осознанность гендерной идентичности. Так, более половины казашек и женщин других этносов начинают описание своего образа Я с этой категории (61% и 55% соответственно). У казашек незначительно, но выше, т.е. они чаще ставят эту категорию в начале списка самоописаний. Кроме того, женщины других этносов чаще, чем казашки ставят эту категорию в середину списка (45% и 39% соответственно). Между тем никому из женщин гендерная идентичность не безразлична, что следует из отсутствия этой категории в конце списка.

При этом наряду со значимостью гендерной идентичности для всех женщин следует подчеркнуть и то, что самооценка этой идентичности является адекватной: у казашек 74%, а у женщин других этносов – 75%. Доля женщин, имеющих неадекватно завышенную или неадекватно заниженную самооценку гендерной идентичности незначительная. Все самооценки носят устойчивый характер, неустойчивых самооценок не выявлено.

В-третьих, в соответствии со схемой интерпретации И.С.Клециной в образе Я женщин изучена роль гендерных характеристик и содержательные характеристики идентичности. Контент-анализ самоописаний проведен с ориентацией и оценкой частоты предложенных ею следующих ролей и характеристик:

- Роли в семье и межличностном общении (мать, невестка, подруга и т.д.).
- Роли в профессиональной деятельности (магистрантка, менеджер и т.д.).
- Иные социальные роли (шопоголик, «помогайка», мажорка и т.д.).
- Фемининные характеристики – черты традиционного женского гендерного стереотипа (эмоциональная, зависимая, заботливая, эмпатийная и т.д.).
- Маскулинные характеристики - черты традиционного мужского гендерного стереотипа (решительный, смелый, волевой, самостоятельный, агрессивный и т.д.).
- Нейтральные характеристики – черты, не относящиеся к традиционным гендерным стереотипам (жизнерадостная, красивая, оптимистичная, мечтательная и т.д.).

Результаты контент-анализа самоописаний женщин отражены в рисунке 4. Следует иметь в виду, что сумма составляет более 100%, поскольку самоописания испытуемых включали в себя указания на несколько ролей и характеристик.

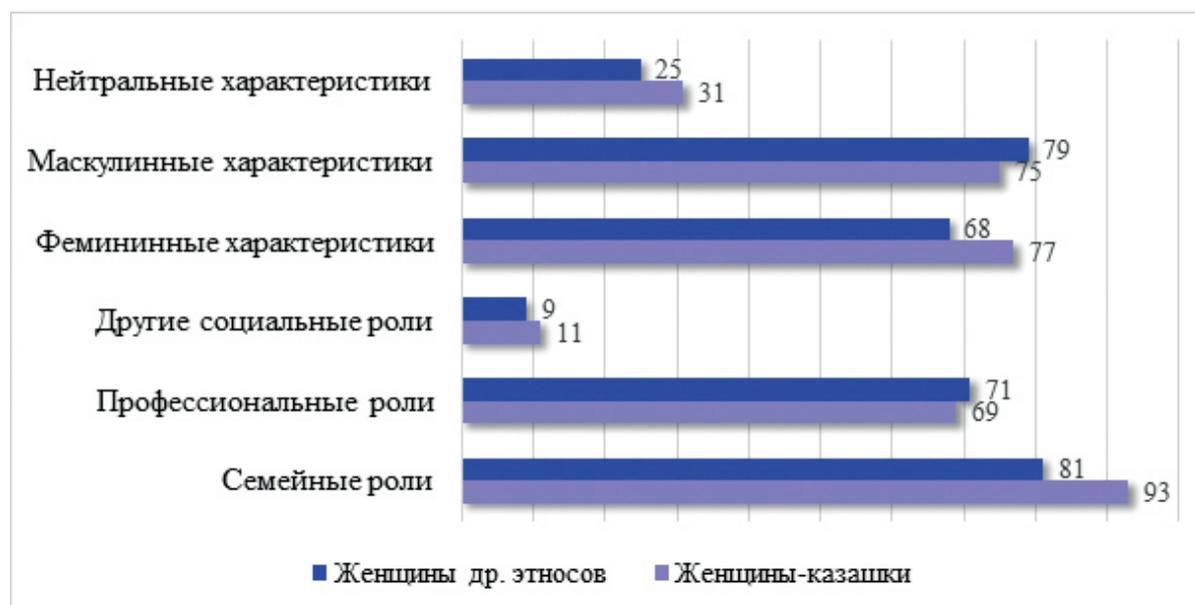

Рисунок 1. Характеристики гендерной идентичности

Первая триада категорий отражает содержание социальной идентичности личности, а следующая за ней триада - содержание личностной идентичности. Соотношение обеих групп характеристик, иными словами, показывает значимость для испытуемых особенностей собственной уникальности и принадлежности определенным социальным группам. С этой точки зрения для настоящего исследования имеют значения данные о самоописаниях женщинами своих маскулинных, фемининных черт (личностная идентичность) и семейных ролей (социальная идентичность).

Сравнительный анализ выявил четыре основных особенности. Женщины других этносов и казашки в своем образе Я отмечают у себя характеристики, которые традиционно чаще ожидаются от мужчин – воля, целеустремленность, решительность, независимость, самостоятельность (79% и 75%). Однако при этом в образе Я казашек соотношение фемининных и маскулинных характеристик примерно равное (77% и 75%). В то время как в образе Я женщин других этносов, согласно самоописаниям, маскулинные черты преобладают над фемининными чертами (79% и 68% соответственно).

Ответ на вопрос о причине различий отчасти дает анализ профессиональных и семейных ролей. Так, в образах Я казашек и женщин других этносов значительное место занимают описания себя с точки зрения профессиональной деятельности (69% и 71%). Наиболее вероятно, что маскулинные черты казашек – это описания себя в профессиональной деятельности, т.е. те черты, которые они «наращивают» в себе для достижения успеха, самоактуализации, конкурентоспособности. Это, действительно, актуально, если иметь в виду реализацию в республике гендерной политики, направленную на равенство. Преобладание фемининности над маскулинностью у казашек, в отличие от женщин других этносов, проявляется в сфере семейно-бытовых отношений, что следует из соотношения семейных ролей. Хотя для женщин других этносов эта сфера имеет большое значение (81%), у казашек она все же преобладает (93%). Иными словами, в работе и социальном плане казашки стремятся не уступать мужчинам, проявляя маскулинные качества, а дома – меняют модель поведения. Последнее объясняется влиянием этнической культуры казахов, которая обуславливает в большей степени традиционные модели ролевого поведения, ожидание проявления в общении и взаимоотношениях традиционно женских качеств. Следует отметить, что эта тенденция поддерживается также возвращением к духовным ценностям, традициям, истокам с момента обретения Казахстаном независимости и реализацией концепции Рухани жангыру.

2. Особенности гендерных стереотипов женщин. По данным первого этапа исследования было выявлено такое культурное различие в гендерной идентичности казашек, как относительная сбалансированность фемининных и маскулинных характеристик с незначительным преобладанием первых. В то время как у женщин других этносов сбалансированность направлена в сторону маскулинизации. С точки зрения содержательных характеристик гендерной идентичности женщины других этносов и казашки представляют свою Я-концепцию наряду с фемининными качествами также чертами, традиционно считающихся маскулинными, которые, например, отражают независимость, активность и настойчивость в достижении целей, самостоятельность. Иначе говоря, казашки стремятся не уступать мужчинам в профессиональном плане на работе, проявляя маскулинные качества, а в семейно-бытовой сфере изменяют паттерны поведения, чтобы оно соответствовало традициям и обычаям этнической культуры.

Предполагаем, что это различие является следствием влияния разных культурно обусловленных гендерных стереотипов, т.е. обобщенных образов современной женщины, которые находятся в гендерном самосознании и регулируют поведение.

Для подтверждения этого предположения на втором этапе с помощью опросника С. Бем был изучен гендерный стереотип «Современная женщина», содержащийся в самосознании казашек и женщин других этносов. Для получения валидных результатов применялся второй вариант опросника С.Бем в модификации И.С. Клециной, поскольку валидность часто используемого первого варианта поставлена под сомнение многими психологами на постсоветском пространстве.

В соответствии с инструкцией испытуемые отмечали из перечня двадцати личностных качеств ответами «да» или «нет», оценивая с точки зрения желательности, наличие/отсутствие у современных женщин каждого из этих качеств. Поскольку ответ «да» оценивается в 1 балл, то высокому уровню фемининности/маскулинности в обобщенном образе современной женщины соответствует диапазон от 15 до 20 баллов.

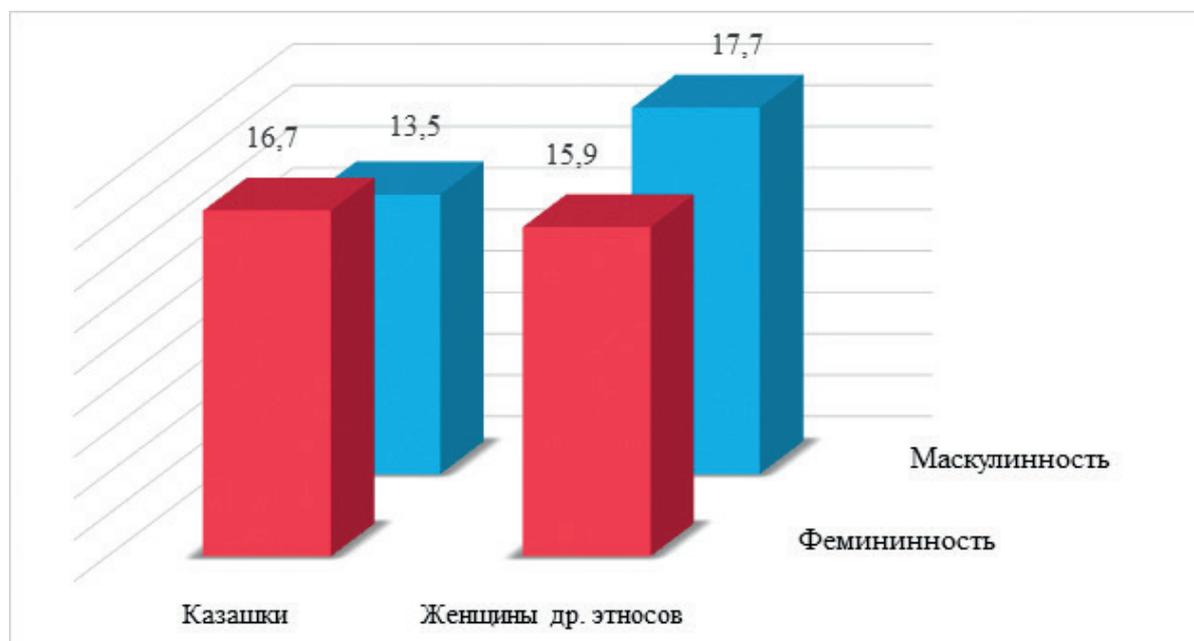

Рисунок 2. Соотношение маскулинных и фемининных качеств в обобщенном образе «Современная женщина»

Согласно полученным данным, в стереотипе современной женщины глазами женщин-казашек фемининные качества имеют более выраженный характер по сравнению с маскулинными (16,7 баллов и 13,5 баллов соответственно). В то время как с позиции женщин других этносов, современной женщине более свойственны и целесообразны маскулинные качества (15,9 баллов и 17,7 баллов). Соотношение представлено на рисунке ниже.

Для оценки статистической достоверности различий была проведена проверка соответствующих гипотез.

Статистические гипотезы:

1) Различие средних значений уровня маскулинности и фемининности в гендерном стереотипе «Современная женщина» в сознании казашек не является значимым.

2) Различие средних значений уровня маскулинности и фемининности в гендерном стереотипе «Современная женщина» в сознании казашек является значимым.

Полученное эмпирическое значение $t_{эмп} = 6.1$ находится в зоне значимости;

$t_{кр} = 2,02$ ($p \leq 0.05$); $t_{кр} = 2,69$ ($p \leq 0.01$).

Нулевая гипотеза H_0 отвергается. Принимается альтернативная гипотеза H_1 о значимости различий средних значений уровня маскулинности и фемининности в гендерном стереотипе.

Статистические гипотезы:

1) Различие средних значений уровня маскулинности и фемининности в гендерном стереотипе «Современная женщина» в сознании женщин других этносов не является значимым.

2) Различие средних значений уровня маскулинности и фемининности в гендерном стереотипе «Современная женщина» в сознании женщин других этносов является значимым.

Полученное эмпирическое значение $t_{\text{эмп}} = 6,4$ находится в зоне значимости; $t_{\text{кр}} = 2,02$ ($p \leq 0.05$); $t_{\text{кр}} = 2,69$ ($p \leq 0.01$). Следовательно, принимается альтернативная гипотеза H_1 о значимости различий средних значений уровня маскулинности и фемининности в гендерном стереотипе.

Утверждение о том, что казашки в большей мере «наращивают» маскулинность в большей мере применительно к профессиональной деятельности основано на данных первого этапа исследования. Шкала анализа идентификационных характеристик женщин, полученных по тесту Куна – Макпартленда «Кто Я?», включала семь показателей: «Социальное Я», «Материальное Я», «Физическое Я», «Деятельное Я», «Перспективное Я» и «Рефлексивное Я» (рисунок 3).

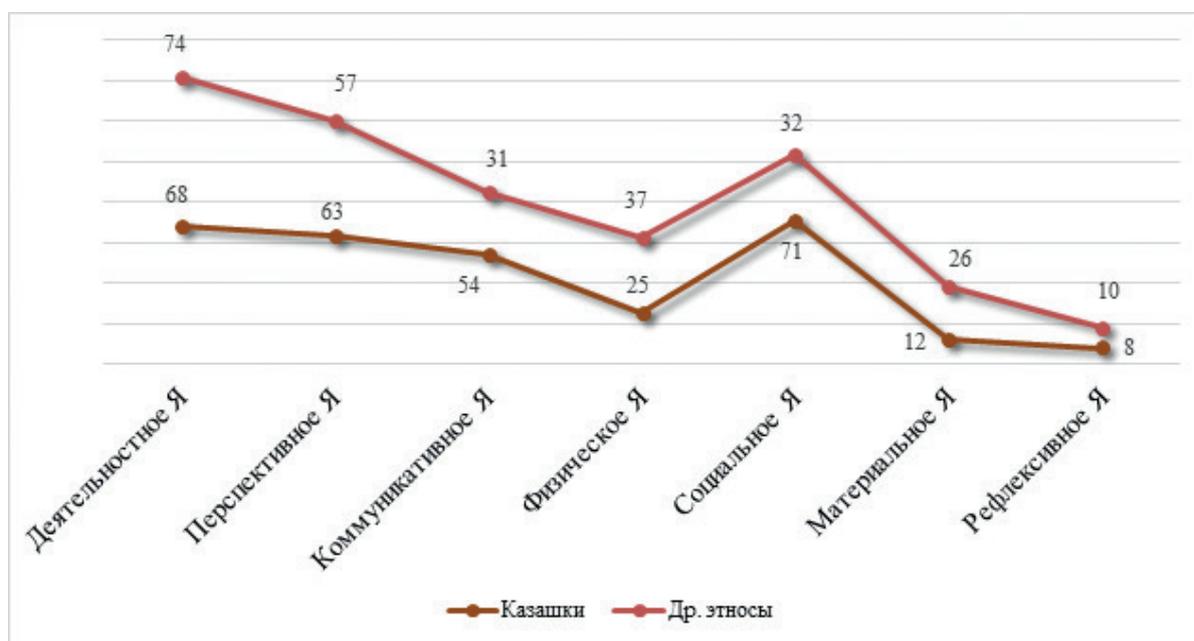

Рисунок 3. Частота выбора характеристик идентичности (%)

Согласно результатам контент-анализа самоописаний женщин-казашек, приоритетными, субъективно значимыми характеристиками идентичности для них являются в порядке убывания частоты те, которые отражают их социальное, деятельностное, перспективное и коммуникативное Я. Отметим, что поскольку испытуемые делали несколько выборов, сумма частот не равна 100%.

Углубленный контент-анализ содержания указанных субличностей идентичности показал, что в отличие от женщин других этносов:

- во-первых, внутри социального Я часто отмечают этническую, религиозную и семейную принадлежность -71% (я – казашка, мусульманка, у меня много родственников и т.д.);
- во-вторых, внутри деятельностного Я характеризуют себя со стороны умений, компетенций, работоспособности, достижений, успехов – 68% (талантливая, знающая иностранные языки, обучаемая, успешная и т.д.);
- в-третьих, внутри перспективного Я самоописания отражают позитивные ожидания относительно профессиональной деятельности – 63% (достойная высокой заработной платы, амбициозная, буду хорошим руководителем и т.д.);

- в-четвертых, внутри коммуникативного Я описывают себя как гибких, способных управлять коммуникациями – 54% (умею сглаживать углы, нахожу со всеми общий язык, много общаюсь с родственниками и т.д.).

Деятельностное и перспективное Я для женщин других этносов также является значимым, но для них не столь актуальные, как для казашек этническая, религиозная и семейная принадлежность. Между тем, именно это различие объясняет то, почему в гендерной идентичности казашек и их гендерном стереотипе современной женщины преобладает фемининность, а у женщин других этносов - маскулинность. Это следствие культурной обусловленности представлениями о нормах и правилах поведения женщины, общепринятые в исламе и казахской этнической культуре.

Между тем, сравнительный анализ показывает, что степень преобладания качеств одного гендера над качествами другого гендера в обобщенных представлениях испытуемых из обеих групп не столь значительная, чтобы утверждать о явной преобладающей феминизированности или маскулинизированнойности того образа современной женщины, который влияет на гендерное самосознание казахстанских женщин. Более корректным представляется заключение о гендерном стереотипе современной женщины как андрогинной с небольшим перевесом в сторону фемининности (с точки зрения казашек) или в сторону большей маскулинности (с точки зрения женщин других этносов).

Как отмечалось в первом разделе, большинство ученых признают тот факт, что в современных реалиях появился новый тренд в развитии форм гендера, обусловленный изменившимися социальными, экономическими и политическими условиями. Этот тренд состоит в доказанных многочисленными исследованиями проявлениях андрогинии (комбинировании маскулинных и фемининных качеств), маскулинизации женщин и относительной феминизации мужчин. В связи с этим сегодня ученые различают традиционные и эгалитарные гендерные стереотипы, установки. Рассмотренные выше результаты настоящего исследования подтверждают этот факт. Для гендерного самосознания женщин, в частности, гендерной идентичности характерна андрогинность. Однако эта андрогинность не безусловная. Гендерная идентичность казахских женщин, будучи андрогинной, является эгалитарной, т.е. современной. Вместе с тем, сама эта андрогинность носит дифференцированный характер. Он проявляется в том, что маскулинные характеристики распространяются больше на профессиональную сферу, а преобладающие фемининные качества – на семейно-бытовую сферу, что указывает на влияние традиций этнической культуры.

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

1) По критериям соотношения прямого и косвенного способов обозначения половой принадлежности и отношения к ней все испытуемые женщины обладают сформированной позитивной гендерной идентичностью. Для их самосознания свойственны осознание и в целом принятие собственной гендерной идентичности. Анализ косвенного обозначения выявил первое этнокультурное различие в гендерном самосознании казашек, проявляющееся в том, что их полоролевой репертуар шире, чем у женщин других этносов. Оно объясняется свойственным казахской культуре разнообразием моделей бытового ролевого поведения и взаимоотношений женщины с родственниками.

2) Половая идентичность в структуре Я-концепции гендерного самосознания казахстанских женщин занимает приоритетное положение и независимо от этнической культуры является не только значимой, но и осознанной. Самооценка гендерной идентичности носит адекватный и устойчивый характер.

3) С точки зрения содержательных характеристик гендерной идентичности, женщины других этносов и казашки представляют свою Я-концепцию наряду с фемининными качествами также чертами, традиционно считающихся маскулинными, которые отражают независимость, активность и настойчивость в достижении целей, самостоятельность. Второе культурное различие в гендерной идентичности проявляется в том, что фемининные и маскулинные характеристики образа Я казашек имеют примерно

равное соотношение, а у женщин других этносов маскулинные черты незначительно, но доминируют над фемининными характеристиками. В широком смысле у казашек наблюдается тенденция к комбинированию женской и мужской тактики поведения (андрогинности), что отражает потребность в большей гибкости в плане социальной адаптации к работе и семье. У женщин других этносов наступательность мужской тактики и требование паритета распространяется не только на профессиональную сферу, но и семейно-бытовую.

В описаниях гендерной идентичности все женщины, независимо от этнической культуры, уделяют значительное место профессиональным и семейным ролям (последние преобладают у казашек). Полагаем, что мужскими чертами казашки характеризуют свой образ Я в большей степени в профессиональной деятельности как необходимое условие для конкурентоспособности и самоактуализации потенциальных способностей. В то время как преобладание в их Я образе фемининности над маскулинностью по сравнению с женщинами других этносов проявляется в семейно-бытовых ролях, отношениях.

4) Поведение и жизнедеятельность казахстанских женщин находится под регуляцией гендерного стереотипа или обобщенного «образа современной женщины». Статистически достоверно по t-критерию Стьюдента в гендерном стереотипе женщин-казашек, несмотря на его сбалансированность, фемининные качества несколько выражены по сравнению с маскулинными, а в гендерном стереотипе женщин других этносов - маскулинные качества ($p \leq 0.01$).

5) Соотношение мужских и женских качеств в гендерном стереотипе отражает сложившийся в сознании казашек образ современной женщины как андрогинной с небольшим преимуществом фемининности, а в сознании женщин других этносов – с преимуществом в сторону маскулинности. Андрогинность соответствует актуальному тренду развития современных форм гендера. Поскольку гендерная идентичность казашек андрогинная, она является эгалитарной, современной. Однако специфика их андрогинности состоит в применении маскулинных черт больше в профессиональной деятельности, а преобладающих фемининных качеств под влиянием традиций этнической культуры – в семейно-бытовой сфере. С этой точки зрения гендерная идентичность казашек и эгалитарная, и традиционная.

6) Указанная выше специфика проявления андрогинности казахских женщин в двух сферах подтверждается эмпирическими данными самоописаний образа Я. По результатам контент-анализа, для женщин-казашек по сравнению с женщинами других этносов высокую значимость имеют этническая, религиозная и семейная принадлежность, что, с одной стороны, усиливает влияние культурной специфики. С другой стороны, такую же значимость имеют мужские качества, востребованные в профессиональной деятельности, что мотивирует к их развитию у себя, «наращиванию».

Список литературы

1. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 320 с.
2. Каширская И.К. Социально-психологический анализ основных источников информации в процессе гендерной социализации // Вопросы психологии. – 2003. – № 6. – С. 56-63.
3. Maccoby E., Jacklin C. The psychology of Sex differences. – Stanford Univ.Press, 1974.
4. Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации. [Электрон.ресурс]. – 2023. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26276 (дата обращения: 11.01.2021).
5. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – Москва: Время, 2009. – 496 с.
6. Кон И.С. Психология половых различий. [Электрон.ресурс]. – 2023. – URL: https://cde.osu.ru/courses2/course15/article_1.html (дата обращения: 09.03.2021).
7. Мацумото Д. Психология и культура. [Электрон.ресурс]. – 2023. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/index.php (дата обращения: 03.02.2021).

8. Майерс Д. Социальная психология. – СПб: Питер, 2001. – 752 с.
9. Асмолов А.Г. Историческая культура и педагогика толерантности // Мемориал. – 2001. – № 24. – С.61-63.
10. Круглова Н.В. Перспективы гендерной толерантности в России. [Электрон.ресурс]. – 2023. – URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines /contents/1/108/kruglova_108_210_218.pdf (accessed 04.02.2021).
11. Курамшев А.В. Гендерная социализация. //Электронный ресурс URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2004_1\(3\)/23.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2004_1(3)/23.pdf) (дата обращения: 28.02.2021).
12. Чекалина А.А. Гендерное самосознание личности (на примере учителя начальных классов): автореферат дис...доктора психологических наук: 19.00.01. – Москва, 2013.
13. Мухтарова З.Ш. Маскулинность – фемининность личности как фактор развития самореализации в процессе подготовки будущих психологов / З.Ш. Мухтарова // Автореф. дисс. . канд. психол. наук. – Астрахань, 2007. – 25 с.
14. Shomanbayeva A. O., Temirgaliyeva B. Ye. Theoretical approachers to the study of gender identity genesis // Eurasian Education, Science and innovation Joirnal, Aachen, Germany. – 2020. – Vol. 1. – P.23-27.
15. Горбатюк В.А. Социально-педагогические методы исследования уровня гендерной компетентности обучающихся учреждений профессионального образования // Теория и методика профессионального образования: сб. науч. ст. Респ. ин-т проф. образования. Минск, 2017. Вып. 4. Ч. 1. – С. 176–183.

С.Е. Дуанаева¹, А.О. Шоманбаева¹, А.М. Үсенова¹, С.К. Бердибаева²,
Д.С. Кулжабаева³

¹М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

³«Тұран-Астана университеті, Астана, Қазақстан

Қазақстан әйелдерінде гендерлік өзіндік сананың қалыптасуының кроссмәдени аспектісі

Аңдатпа. Зерттеу әйелдердің гендерлік санасының мәдени ерекшеліктерін оның когнитивті, эмоционалдық және мінез-құлық деңгейлерін білдіретін барлық компоненттер бірлігіндегі интегралды психологиялық формация ретінде зерттеуге бағытталған. Бұл құрамдас бөліктер: әйелдердің гендерлік сәйкестігі мен гендерлік стереотиптерінің мазмұны; сәйкестілікке көзқарас, отбасындағы гендерлік рөлдерге қатынас түрі, гендерлік толеранттылық пен интолеранттылық арасындағы байланыс, қазақстандық әйелдердің гендерлік санасының деңгейі. Біз әйелдердің гендерлік сәйкестігінің қалыптасуының мәдени детерминациясы туралы гипотезаны үш деңгейде – когнитивті, эмоционалдық және мінез-құлық деңгейінде алға қойдық. Қазақстанның көп ұлттылығы жағдайында респонденттердің екі үлгісі анықталды - қазақ этносының әйелдері және басқа этностар. Зерттеу нәтижелері алға қойылған гипотезаны растады және екі үлгіде әйелдердің гендерлік өзіндік санасының мәдени айырмашылықтары мен ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. Бұл мақалада Кун-Макпартланд тесті мен И.С.Клецина модификацияланған С.Бемнің гендерлік рөлдік сауалнамасы арқылы әйелдердің гендерлік сәйкестігі мен гендерлік стереотиптерінің мазмұнын эмпирикалық зерттеу деректері берілген.

Түйін сөздер: гендерлік өзіндік сана, гендерлік сәйкестілік, стереотиптер, гендерлік-рөлдік отбасы үлгілері, толеранттылық, интолеранттылық.

**S.E. Duanayeva¹, A.O. Shomanbayeva¹, A.M. Usenova¹, S.K. Berdibayeva²,
L.S. Kulzhabayeva³**

¹*M. Auezov South Kazakhstan State University, Shymkent, Kazakhstan*

²*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*

³*Turan-Astana University, Astana, Kazakhstan*

Cross-cultural aspect of the formation of gender identity of women in Kazakhstan

Abstract. The study is aimed at studying the cultural specifics of women's gender consciousness as an integral psychological formation in the unity of all components representing its cognitive, emotional and behavioral levels. These components were: the content of gender identity and gender stereotypes of women; attitude to identity, types of attitudes towards gender roles in the family, the ratio of gender tolerance and intolerance, the level of formation of gender consciousness among Kazakhstani women. A hypothesis was put forward about the cultural determination of the formation of women's gender consciousness on three subsequent stages - cognitive, emotional and behavioral. In the conditions of multi-ethnicity of Kazakhstan, two samples of respondents were identified - women of the Kazakh ethnic group and other ethnic groups. The results of the study confirmed the hypothesis put forward and made it possible to determine cultural differences and features of women's gender identity in two samples. The presented article presents data from an empirical study of the content of gender identity and gender stereotypes of women using the Kuhn-Mcartland test and the S Bem gender-role questionnaire modified by I. S. Kletsina.

Keywords: gender self-consciousness, gender identity, stereotypes, gender-role family models, tolerance, introversion.

References

1. Bern Sh. Gendernaja psihologija. – SPb.: Prajm-Evroznak, 2002. – 320 s.
2. Kashirskaia I.K. Social'no-psihologicheskij analiz osnovnykh istochnikov informacii v processe gendernoj socializacii // Voprosy psihologii. – 2003. – № 6. – S. 56-63.
3. Maccoby E., Jacklin C. The psychology of Sex differences. – Stanford Univ.Press, 1974.
4. Churkina N.A. Maskulinnost' i feminnost' v sovremennom obshhestve: sostojanie, tendencii transformacii. [Jelektron.resurs]. – 2023. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26276 (data obrashhenija: 11.01.2021).
5. Kon I.S. Muzhchina v menjajushhemsja mire. – Moskva: Vremja, 2009. – 496 s.
6. Kon I.S. Psihologija polovyh razlichij. [Jelektron.resurs]. – 2023. – URL: https://cde.osu.ru/courses2/course15/article_1.html (data obrashhenija: 09.03.2021).
7. Macumoto D. Psihologija i kul'tura. [Jelektron.resurs]. – 2023. – URL: https://shhshhshh.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/indeh.php (data obrashhenija: 03.02.2021).
8. Majers D. Social'naja psihologija. – SPb: Piter, 2001. – 752 s.
9. Asmolov A.G. Istoricheskaja kul'tura i pedagogika tolerantnosti // Memorial. – 2001. – № 24. – S.61-63.
10. Kruglova N.V. Perspektivy gendernoj tolerantnosti v Rossii. [Jelektron.resurs]. – 2023. – URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines /contents/1/108/kruglova_108_210_218.pdf (accessed 04.02.2021).
11. Kuramshev A.V. Gendernaja socializacija. //Jelektronnyj resurs URL: [http://shhshhshh.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_Shhest_soc_2004_1\(3\)/23.pdf](http://shhshhshh.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_Shhest_soc_2004_1(3)/23.pdf) (data obrashhenija: 28.02.2021).
12. Chekalina A.A. Gendernoe samosoznanie lichnosti (na primere uchitelja nachal'nyh klassov): avtoreferat dis...doktora psihologicheskikh nauk: 19.00.01. – Moskva, 2013.
13. Muhtarova, Z.Sh. Maskulinnost' – femininnost' lichnosti kak faktor razvitija samorealizacii v processe podgotovki budushhih psihologov / Z.Sh. Muhtarova // Avtoref. diss. . kand. psihol. nauk. – Astrahan', 2007. – 25 s.
14. Shomanbayeva A. O., Temirgaliyeva B.Ye. Theoretical approachers to the study of gender identity genesis // Eurasian Education, Science and innovation Joirnal, Aachen, Germany. – 2020. – Vol. 1. – P.23-27.
15. Gorbatjuk V.A. Social'no-pedagogicheskie metody issledovanija urovnja gendernoj kompetentnosti obuchajushhihsja uchrezhdenij professional'nogo obrazovanija // Teorija i metodika professional'nogo obrazovanija : sb. nauch. st. Resp. in-t prof. obrazovanija. Minsk, 2017. Vyp. 4. Ch. 1. – S. 176–183.

Сведения об авторах:

Дуанаева С.Е. – старший преподаватель, магистр, Южно-Казахстанский университет им М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан.

Шоманбаева А.О. – кандидат психологических наук, доцент, Южно-Казахстанский университет им М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан.

Усенова А.М. – Ph.D., доцент, Южно-Казахстанский университет им М. Ауэзова, Шымкент, Казахстан.

Бердибаева С.К. – доктор психологических наук, профессор, КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Кулжабаева Л.С. – кандидат психологических наук, доцент, университет «Туран-Астана», Астана, Казахстан.

Duanaeva S.E. – Senior Lecturer, Master's degree, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan.

Shomanbaeva A.O. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, M.Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan.

Usenova A.M. – PhD, Associate Professor, M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan.

Berdibayeva S.K. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Kuljabaeva L.S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Turan-Astana University, Astana, Kazakhstan.